

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ

При рассмотрении духовного наследия белорусского народа и определении его вклада в развитие мировой культуры следует учитывать сложность и запутанность истории Беларуси и, следовательно, исходить из национальных, языковых, территориальных и географических признаков. Несомненным остается то, что произведения, созданные на белорусской земле на разных языках и в разное время, являются духовным богатством нашей страны. Многовековая историческая общность белорусского и русского народов переплела их корни и породила общие духовные ценности и традиции. Частью исследования современной русскоязычной поэзии Беларуси является определение системы религиозных, эстетических, философских идей, нашедших преломление в произведениях русскоязычных авторов, их взаимодействия с базовыми белорусскими и русскими культурными представлениями. Это дает основание для конструктивных поисков своей идентичности личностью, оказавшейся в зоне активного взаимодействия двух культур.

Каждый из русскоязычных писателей Беларуси по-своему определяет свои взаимоотношения с российской и белорусской традициями, но вопрос национальной-культурного самоопределения важен для всех. Проблема национальной самоидентификации является животрепещущей и для поэтов, живущих в Беларуси и пишущих на русском языке.

Выразительное начало, доминирующее в поэзии, в значительной степени опирается на этнонациональную образную систему, которая вырастает на национальном субстрате. В языке поэзии, в мелодике стиха как бы синтезируются элементы национального самосознания и национального характера и выражается национальная ментальность.

Не останавливаясь подробно на вопросе классификации (русская или русскоязычная литература Беларуси), отметим лишь, что в белорусс-

скости языковой аспект сегодня, с появлением самостоятельного государства, в котором сосуществуют два государственных языка, стал не самым важным. Причастность к народу определяется, прежде всего, как причастность к национальному характеру. Если и есть в этой причастности лингвистическая часть, то она – скорее билингвизм, умение говорить на языке собеседника и понимать говорящего по-русски и по-белорусски. Видимо поэтому многие молодые авторы в Беларуси создают свои произведения как на русском, так и на белорусском языках (В.Бурлак, Д.Дмитриев, А.Ходанович и др.). Важным фактором является духовное гражданство, преемственность традиций определенной культуры: «Раскрытый Тютчев... Смятая кровать...», «Век серебряный... Без суесловия...», «По России Пушкина и Блока...», «Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...», «Памяти Вениамина Блаженного» А.Аврутина, «М.Лермонтов – томик потрепанный...», «Сны-города» Л.Турбиной, «Dantissimo» А.Ходановича, «Виноград», «Звероносец» Д.Строцева. Так, Е.Казанцева пытается определить свою поэтическую родословную:

У меня специальности нет,
Я пишу бестолковые песни.
Я неправильный русский поэт,
И душа у меня не на месте.
Я не знаю, кто правильным был.
Может, Пушкин, да питерский Бродский [4, с. 78].

Или Е.Каменева: «Через всю мою жизнь: / – Цветаева! / – Божьим: заревом!» [4, с. 78].

При анализе поэтических произведений современных русскоязычных авторов обращают на себя внимание, прежде всего, прецедентные имена и топонимы. Поэты, родившиеся в Беларуси и пишущие на русском языке, апеллируют к белорусской истории, используют географические названия Беларуси: *Березина* – у В.Москаленко, *Беловежская пуца* – у Л.Лукши, *Грушевка*, *Автодоровка* – у А.Аврутина. Лирический герой А.Аврутина местом жительства связан с пространственно-временным континуумом родной минской земли. В то же время на формирование его личности повлияла, несомненно, русская культурная традиция. Поэтому «...как-то вмещаются в левом предсердье / И *Черная речка*, и *Белая Русь*» [1, с. 52].

Наиболее специфической чертой, отражающей национально-культурные особенности, помимо собственных наименований, является формирование концепта «Родина». Что для русскоязычных писателей Родина? Беларусь? Россия? Или Советский Союз? В 1991 г. им пришлось определяться, и эта самоидентификация проходила нелегко: «Разрушена страна. / Стою как на погосте» [4, с. 194]. Л.Яковенко в стихотворении «Возрождение» мучительно размышляет о своей судьбе:

Я буду изгоем в родной стороне
За то, что в краю белорусском
Нелепое счастье даровано мне –
Меня воспитали по-русски [4, с. 195].

После распада Союза многие поэты остались вне России, стали «ближним зарубежьем». Многие поэты, поэтому пробивается тема брошенности: они не уходили, от них ушли, вернее — уехали, поездом:

О русская земля,
Ты за холмами!
Ушел на Запад медленный состав.
А он глядит,
Припав к оконной раме,
Быть русским гражданином перестав (В.Тростянский) [4, с. 167].

Такие же мотивы звучат в стихотворении Е.Агиной «Ох, какая тоска здесь бывает...»:

Разве есть где-нибудь в самом деле на свете Россия?
Этой станции нет. Верстовые столбы не видны <...>
Этой станции нет. Очень просто — была и не стало...
Поезда не уходят в Россию — / нет больше такой [4, с. 14].
С болью вопрошает Анна Павловская:
И скажут, забирая:
«На все тебе три дня»...
Москва моя родная,
За что ты так меня?
Далекие, чужие
Грохочут поезда...
Я — твой поэт, Россия!
А ты мне: «Лимита!» [4, с. 122].

А.Тропин с горечью задумывается о судьбе своих бывших соотечественников, которые после распада Союза стали жить в разных государствах:

Великие держава и народ,
Кто мы теперь?
Что с нами будет завтра?
Судить ни тех, ни этих не берусь —
Я не судья своим же братьям кровным.
Но вопиет во мне вседневно Русь
Мольбой молитв и скрежетом зубовным [4, с. 167].

Для одних поэтов в понятие «Родина» оказываются включенными весьма символические белорусские компоненты. Белая Русь — белый цвет как символ родины используют многие русскоязычные поэты. Ярким примером может служить стихотворение А.Аврутина «Эти светлые названья...»:

Эти светлые названья
Белорусской стороны.
Белизною, белой ранью,
Все Бельнички полны [1, с. 271].

Некоторые поэтические образы вырастают до уровня символов, как, например, береза и журавль.

Там одна ночь без понимания
Сыплет звездами и тихо говорит.
Там берёзка, как моё страдание
На фаворе праздника стоит.

Там огонь, скрипучие ворота,
И длиннее журавля апрель.
Мишка, Мишка, я хочу до рвоты
Догонять летящих журавлей (И. Поглазов).

... журавлям, / Что над ракушкой / Вдоволь о любви / Трубят» обращается в своем стихотворении «Начинаю день с молитвы...» и Г.Соколовский [4, с. 49].

Для других русскоязычных поэтов Беларуси концептуальными образами – символами России являются купола и кресты. У И.Ганкиной:

Хоть мне креститься вовсе ни к чему
И ни к чему поклоны бить земные,
Но близки сердцу, вопреки уму,
Твои кресты печальные, Россия [4, с. 44].

Или, у Е.Агиной: «И лишь Россия нас крестит вслед / Крестами своих дорог» [4, с. 15].

На ассоциации с символом Беларуси – аистом выстроено стихотворение А.Аврутина «Зеленый край...Щемящие слова...»:

Судьба моя! Мой беспокойный лёс!
Я здесь родился, рос, набрался силы.
Мне белый аист сыновей принес,
Сыноў прынёс мне бусел белакрылы... [1, с. 279].

Беларусь своей второй родиной называют поэты, родившиеся в России, для которых часть жизни, наполненная личностно значимыми событиями, прошла в нашей стране. Так, например, Т.Краснова-Гусаченко пишет: «А белорусская земля – / по крови – Родина моя <...> Здесь испытанье дал мне Бог...» [2, с. 3].

Свой переезд в Беларусь из Сибири символично выражает Л.Красевская:

Отыскала себе приют
Там, где аисты гнезда вьют.
Отпусти неблагодарную,
Сибирь-матушка! [3, с. 48].

Она же в стихотворении «Московский район» соединяет два понятия: «Моя Россия! – Белая ты Русь! / Как вас делить? Зачем? С какого края? / По тракту единения пройду, / Распахнутой душою не играя!» [3, с. 91].

С другой стороны, есть немало белорусских по происхождению и пишущих на русском языке авторов, живущих за пределами Беларуси и связанных с ней нитями культурных и родственных связей:

Белоруска в Москве, белоруска в Москве
Словно в море трава, словно чайка в траве...
Вопреки же упрекам и чуткой молве
Я останусь собой: белоруска в Москве (Татьяна Дашкевич) [4, с. 167].

Некоторые поэты, не желая самоопределяться, не расстаются с прошлым. Одни говорят об этом с иронией, как Д.Строцев:

всех всеми
кому на руси кому на руси
жить хорошо жить хорошо назову
союз союзом
советских советских
социалистических социалистических
республик республик назову [5].

Другие – с горечью, как, например, А.Тропин:

Мы потому сегодня голь и грусть
И носим в сердце скорбную руну,

Что по-прежнему разорвали Русь
На Беларусь, Россию, Украину [4, с. 167].

А.Герашенко в стихотворении «Я – русский» отождествляет белорусов и украинцев с русскими:

Под синим небом белорусским
Познал я радость и беду.
Я – белорус, а значит – русский,
Таким и в небо я уйду [4, с. 44].

Эта же тема самоидентификации в модусе национальной ментальности может звучать и по-другому: когда обе страны оказываются одинаково родными. И, наверное, именно такое решение оказывается единственно верным, позволяя не терять, а обретать, как, например, А.Скоринкину, который в своем лиро-эпическом дневнике «Последний герой» подводит итоги:

Смоленск живет в моих воспоминаньях
Как самый близкий и родной причал <...>
И в день последний перед Новым годом,
Когда я ехал в Минск навеселе,
Я мокрый пар делил с родным народом,
Стебаясь на осиновой скамье <...>
Прости, Смоленск! Нас берег жлет другой.

Если же обратиться к некому общему образу лирического героя русскоязычной поэзии Беларуси, то он, как и герой белорусской литературы, – человек с очень тонкой кожей, чувствующий свою ответственность за все и перед всем. Не проклинаящий, а жалеющий и терпящий. Человек, который живет в промежутке между двумя вечностями – прошлым и будущим, и который чувствует свою связь с ними. Человек, за которым стоят поколения, память родства, уходящая в глубину. И эту вневременную память родства чувствуют и русскоязычные авторы Беларуси, которые обращаются с молитвой к Богу:

Прости Господь
Всех и за все, прости,
Открой Господь
Всем иному пути (Т. Лебедева).

Дай мне, Отче, в дорогу свой посох, пропитанный смолью
Не вифанских дерев, а сосновый, родимой земли,
Чтоб измерить, какою в Тебе отзываются болью
Все не ставшие действием светлые мысли мои (И. Бисев) [4, с. 29].

Может быть, тогда вся Беларусь – лишь тонкая береста, на которой проступают древние слова молитвы, и не важно, на каком языке они написаны. Главное – что эта молитва услышана:

И боги внимали словам моим грустным,
Словам перелесков и сумрачных боров,
Словам не каким-то заморским, а русским,
Словам бесприютных российских просторов (В. Блаженный).

Несмотря на самоидентификацию Вениамина Блаженного с русской культурой мировосприятие поэта скорее определяется белорусским менталитетом: это и особое, бережное отношение к своей земле, и некое глубоко личное, «панибратское» отношение к Богу, и единство всего

живого, и чувство ответственности за «всякую тварь божью» как лейтмотив всей поэзии.

Осмысление современного литературного пространства Беларуси – процесс длительный и далекий от завершения. Поэтому актуальным является исследование своеобразия преломления культурных, религиозных, эстетических и других моделей, транслируемых русской и белорусской литературами, в творчестве русскоязычных писателей Беларуси.

Список литературы

1. Аврутин, А.Ю. Наедине с молчанием: книга поэзии / А.Ю.Аврутин. – Минск, 2007.
2. Краснова-Гусаченко, Т.И. Я пришла / Т.И.Краснова-Гусаченко. – Минск, 2006.
3. Красевская, Л.С. С любовью о любви: Стихи / Л.С.Красевская. – Брест, 2004.
4. Современная русская поэзия Беларуси: Антология / сост. А.Ю.Аврутин. – Минск: УП «Технопринт», 2003.
5. Строев, Д. Тридцать восемь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strotsev.net.ru/indexru.html> – Дата доступа: 13.10.2009.